

АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ

СВЕТ МЕЖДУ
СТРАНИЦАМИ

Александр Абросимов

Свет между страницами

<https://litres.ru/74195138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, пепел убивает почву. Анна поверила в это, когда любимый муж превратил их десятилетие в горсть остывшего праха. Теперь её мир — это строгие дедлайны, идеальные отчеты и глухая тоска, спрятанная за безупречной улыбкой редактора. Но одна разбитая чашка и проливной дождь сводят её с человеком, чьи руки пахнут клеем, пылью и терпением. Илья знает, как собрать осколки в единое целое, не скрывая трещин. Чтобы спасти старинную книгу, им придется сначала научиться дышать рядом, не обжигаясь. Когда прошлое постучится в дверь в дорогом пальто, предлагая вернуть всё назад, Анне предстоит сделать выбор: шагнуть в безопасную клетку привычного горя или сгореть дотла в настоящем огне, который может либо уничтожить, либо подарить новую жизнь. История о том, как учатся любить снова, когда кажется, что душа навсегда покрылась золой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Холод фарфора	7
Глава 2. Запах пыли и ванили	14
Глава 3. Руки, знающие цену бумаге	22
Глава 4. Паутина в углах	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Абросимов

Свет между страницами

Пролог

Пахло картоном, пылью и чужим отчаянием. Этот запах въелся в обои за десять лет, стал частью штукатурки, осел на зубах мелкой крошкой воспоминаний. Анна стояла посреди гостиной, нет, уже не их, а просто гостиной с высокими потолками, и методично бросала его рубашки в огромный полиэтиленовый пакет из-под строительного мусора. Ткань глухо билась о плотный пластик. Ни слез, ни ярости. Только ровная, звенящая пустота там, где раньше билось сердце.

Она разучилась плакать три месяца назад, когда он впервые сказал «нам надо подумать». С тех пор её организм перешел в режим энергосбережения: дыхание стало поверхностным, еда потеряла вкус, а мир вокруг покрылся тонким слоем серой пыли.

Последней в пакет полетела фотография со свадьбы. Ослепительно-белое платье, которое теперь казалось насмешкой, его широкая улыбка, ее собственные глаза огром-

ные, доверчивые, смотрящие на мужа так, будто он центр вселенной. Анна прищурилась, пытаясь вспомнить то чувство абсолютной безопасности. Вспомнила только холод кафеля под босыми ногами в утро после его ухода. Тот же самый кафель сейчас леденит пятки.

Оставишь мне хоть что-нибудь? голос Марка прозвучал от дверного проема тихо, почти виновато. Он выглядел уставшим. Дорогой костюм помялся, галстук съехал набок. Человек, потерявший свой идеальный крой вместе с идеальной женой.

Анна обернулась. Посмотрела на него без ненависти. Ненависть требует сил, а у нее остались только механические движения рук. Она обвела взглядом комнату. Квартира-пустышка, из которой вынули душу. Выгоревшая лампочка под потолком тихонько гудела, готовясь погаснуть навсегда.

Я заберу свое дыхание, Марк, ровно сказала она, затягивая тугой узел на пакете. Узел получился идеальным, мертвым. Всё остальное можешь оставить себе. Оно всё равно пахнет твоими компромиссами.

Она протянула руку к выключателю. Щелчок разорвал тишину сильнее любого крика. В наступившей темноте остался лишь прямоугольник окна, за которым равнодушно лил но-

ябрьский дождь, смывая с асфальта следы шин его машины.

Внутри Анны не было ничего. Пепел умеет чувствовать только сквозняк. Эмоциональный тон: оглушающая заморозка чувств, тяжесть мертвого быта. Перемена: героиня физически покидает прошлое, но эмоционально остается запертой внутри ледяного кокона выжженной души, принимая решение больше никогда не обжигаться.

Глава 1. Холод фарфора

Посудомоечная машина стояла мертвым памятником их былому достатку: дорогая, встроенная в гарнитур из темного дуба, ни разу не издававшая звука за последние полгода. Анна предпочитала руки. Вода из крана была тугей струей прямо в дно белоснежной чашки от Виллерой и Бох, той самой, с едва заметной золотой каймой по краю, которая стояла как три ее первых зарплаты редактора. Она терла её поролоновой губкой уже седьмой раз подряд.

Мыло давно кончилось, флакон сиротливо лежал на боку у мыльницы, но кожа на пальцах продолжала скользить по гладкому, мертвому фарфору. Это движение гипнотизировало, вводило в транс, спасая мозг от необходимости думать. Вперед-назад. Пена, вода, проточная сушка льняным полотенцем, которое пахло кондиционером «Альпийские луга» запахом дома, которого больше не существовало. Взгляд упирался в темное окно кухни московской однушки. За толстым стеклом отражалась она сама: женщина в чужой фланелевой пижаме Марка, с волосами, стянутыми в небрежный узел на макушке, под которым отчетливо проступали острые позвонки шеи. Чужая, осунувшаяся женщина в пустой квартире.

Фарфор обжигал холодом даже сквозь ткань полотенца. Идеальная геометрия, идеальная пустота внутри. Точно такая же абсолютная, звенящая пустота поселилась у Анны в солнечном сплетении после того утра. Утра, когда Марк положил на эту самую столешницу ключи от машины глухим металлическим звуком и сказал буднично, словно заказывал такси или диктовал список покупок:

Я снял квартиру на Патриарших. Документы на развод Вера пришлет тебе завтра курьером. Не усложняй, Ань. Мы же интеллигентные люди.

Он не хлопал дверью. Он просто ушел, забрав зубную щетку и пару костюмов, оставив после себя запах дорогого одеколона с нотами кедра и этот невыносимый вакуум. А Анна осталась стоять над раковиной. И вот уже третий месяц каждое утро начиналось здесь. Ритуальное очищение посуды, которая ей юридически больше не принадлежала это был свадебный сервиз его матери, подарок, врученный со словами о вечности. Свою любимую кружку с дурацкой трещиной, купленную десять лет назад на барахолке в Питере, она разбила о стену в первый же вечер одиночества. Слабость нужно уничтожать сразу, пока она не проросла метастазами в легкие.

Губка соскользнула с мокрого края. Тонкий ободок чаш-

ки ударился о металлическую решетку слива. Золотая кайма жалобно, почти музыкально тренькнула и пошла мелкой паутинкой трещин. Анна замерла, глядя, как по безупречной, хирургической белизне расплзается сеточка разломов, похожая на высохшее русло реки. Еще одно легкое нажатие пальца и чашка осыплется в сток острыми ледяными иглами. Как их брак. Одно равнодушное слово, один взгляд мимо нее и десять лет общей истории превратились в крошево, непригодное даже для склеивания.

Она медленно опустила поврежденную чашку обратно в пенную воду, словно боялась спугнуть тишину. Провела пальцем по щербинке. Края были опасно острыми, способными до кости рассечь подушечку пальца.

Телефон завибрировал на столе, заставив Анну вздрогнуть так сильно, что вода плеснула на рукав пижамы. Рабочий чат издательства «Слово». Сообщение от младшей корректорши Леночки, написанное капслоком вперемешку с эмодзи паникующего кролика: «Анна Викторовна!!! Мы горим!!!! Типография прислала отказ, краска поплыла на наклейках, мы не успеваем со сдачей макета подарочного Есенина до выходных, форс-мажор!»

Анна закрыла глаза. Форс-мажор. Развод тоже форс-мажор, только личного масштаба, не предусмотренный ника-

кими договорами аренды души. Нельзя плакать. У них дедлайн. Нельзя кричать. У редакторов железных нервов нет только в некрологах. Нельзя показать издательству, что главный редактор рассыпается на куски прямо посреди собственной кухни, перемывая посуду покойного брака. Работа была единственным местом, где от нее требовали быть безупречной функциональной единицей, и она платила им за это своей бессонницей, гастритом и остатками нервных клеток.

Она выключила воду. Рычажок смесителя поддался туго, скрипнув напоследок. В наступившей оглушающей тишине звук капающего с плохо закрученного крана казался метрономом, отсчитывающим время до полного распада личности. Кап. Пауза. Кап. Каждая секунда отдавалась тупой болью в висках. Анна вытерла руки резким движением, сорвав махровое кольцо с крючка. Посмотрела на свои ладони. Они были красными, стертыми чуть ли не до мяса жестким поролоном, чужими, принадлежащими какой-то старой прачке, а не женщине, которой вчера исполнилось тридцать четыре.

Входная дверь шелкнула замком. Этот звук полоснул по нервам раскаленным ножом. Сердце пропустило удар, а потом рухнуло куда-то в желудок тяжелым камнем. Инстинкт самосохранения сработал быстрее разума. Анна швырнула многострадальную чашку, теперь уже точно безнадежно испорченную, с глубоким сколом у основания, в верхний

шкафчик. Металл полки гулко принял удар. Она схватила телефон, открыла рабочий чат и начала быстро печатать ответ Леночке сухим, канцелярским языком, вбивая приказы костяшками пальцев:

«Елена. Успокаиваемся. Краску заменить на офсетную. Срок переносим на понедельник. Штрафы с типографии удержите из гонорара менеджера. Макет мне на почту через час. Без эмоций».

Только отправив сообщение, она позволила себе выдохнуть. Воздух царапал пересохшее горло наждаком. Шаги в коридоре затихли. Марк вернулся забрать забытый внешний диск. Он прошел в кабинет, не заглянув на кухню. Анна слышала, как он двигает стул, как шуршит бумагами. Десять лет жизни, а он ведет себя здесь как вежливый грабитель в музее, стараясь ничего не касаться лишний раз.

Диск упал в сумку. Хлопнула входная дверь. На этот раз замок повернулся дважды тихо, аккуратно, навсегда.

Тишина вернулась, но стала другой плотной, тяжелой, давящей на барабанные перепонки. Анна подошла к окну. Прижалась горячим лбом к ледяному стеклопакету. Москва внизу жила своей жизнью: ползли желтые пятна машин, мигала реклама аптеки в доме напротив, кто-то курил на балконе этажом ниже, выпуская сизые кольца в морось. Им всем

было плевать. Мир не заметил потери бойца.

Она посмотрела вниз, во двор-колодец. Там, у мусорных баков, стоял огромный контейнер именно для строительного мусора. Идеальное место для обломков.

Анна развернулась. Прошла к шкафчику, достала треснувшую чашку. Фарфор снова обжег пальцы могильным холодом. Она прошла в прихожую, накинула на плечи первое попавшееся пальто оно оказалось мужским, слишком широким в плечах, пропахшим улицей. Сунула ноги в кроссовки, не завязывая шнурки.

Лифт спускался мучительно долго, лязгая тросами в шахте. Анна смотрела на свое отражение в потемневшем зеркале кабины. Бледная маска. Глаза огромные, черные, без зрачков. Красивые руки убийцы собственного прошлого.

На улице пахло бензином и прелыми листьями. Ноябрь слизывал остатки тепла с асфальта. Она дошла до бака, размахнулась и швырнула чашку внутрь. Звук удара получился коротким, влажным, непоправимым. Не звон разбитого стекла, а глухой треск ломающихся костей.

Когда Анна подняла голову, дождь прекратился. Из-за рваных свинцовых туч на секунду выглянуло низкое москов-

ское солнце. Его луч мазнул золотом по стене соседней панели, зацепился за одинокое голое дерево и тут же исчез.

Она постояла еще минуту, глубоко вдыхая сырой воздух легкими, которые впервые за три месяца заболели по-настоящему острой, живой болью живого человека. Потом развернулась и пошла домой. Завтра в восемь планерка с дизайнерами. Завтра в девять курьер привезет бумаги, перечеркивающие прошлое красной ручкой нотариуса. А сегодня ночью ей предстоит спать в холодной постели, где половина матраса никогда не сминается.

Глава 2. Запах пыли и ванили

Анна ненавидела букинистические лавки. Для человека, посвятившего жизнь тексту, эти места пахли поражением: увяданием бумаги, застарелой пылью чужих библиотек и сладковатой нотой типографской краски, которой больше никогда не коснется печатный пресс. Здесь книги умирали своей второй смертью их переставали читать, превращая в пылесборники для интерьеров людей с претензией на интеллект.

Она зашла сюда только ради спасения от дождя. Октябрьский ливень обрушился на Пречистенку внезапно, проломив свинцовое небо, и Анна оказалась загнана в эту тесную темную пещеру, как промокшая кошка. Внутри было тесно. Стеллажи из некрашеного дерева уходили под самый потолок, смыкаясь над головой готическим сводом. Свет давала лишь одна тусклая лампа Эдисона на прилавке да узкая полоса серого дня из входной двери.

И запах. Стерильный порядок Анны, привыкшей к аромату свежего офсета, дорогого парфюма и кондиционера для белья, столкнулся с густым, осязаемым смрадом запущенного архива. Пыль забивала ноздри, оседала горьким комком

на корне языка. К ней примешивался тяжелый дух старой кожи, кислый оттенок плесени и что-то еще теплое, кондитерское. Ваниль. Позже она поймет, что так пахнет столярный клей и пчелиный воск, которым этот мужчина полирует свои инструменты.

Осторожнее, вы сейчас снесете «Русскую старину» восьмьсот девяносто второго года, раздался голос прямо над ухом.

Анна вздрогнула, физически ощутив вторжение в свое личное пространство. Она стояла у стеллажа с прижизненными изданиями, пытаясь найти просвет между корешками, чтобы протолкнуть себя дальше, к выходу. Голос был низким, лишенным всяких интонационных подъемов. Таким голосом сообщают о задержке рейса или констатируют смерть.

Она обернулась. Он возвышался над ней, заслоняя собой скудный свет лампы. Огромный, широкоплечий, заполнивший собой все оставшееся свободное место в лавке. На нем была плотная брезентовая куртка цвета мокрого асфальта, вся испачканная какими-то белыми разводами, и тяжелые рабочие ботинки, оставившие на рассохшемся паркете грязные следы. Его лицо казалось высеченным из камня резкие скулы, тень от щетины, глаза неопределенного цвета, спрятанные в глубоких глазницах. В руках он держал банку с про-

зрачной желтоватой жижей и плоскую кисть, с которой медленно стекала капля.

Я просто ищу выход, сухо бросила Анна, инстинктивно отступая назад и врезаясь лопатками в книжную полку. Старые переплеты больно впились в спину.

Выход там, где дождь, он кивнул бородатым подбородком на дверь. Вода снаружи шумела так яростно, словно пыталась пробить асфальт. Или снимайте плащ. У меня есть старые полотенца. Промокнете до костей, потом больничный лист оформлять...

Он говорил отрывисто, рублеными фразами, делая паузы, чтобы перевести дыхание. И смотрел не на нее, а куда-то сквозь, словно считывал рентгеновский снимок ее позвоночника.

Анна проследила за его взглядом и впервые по-настоящему увидела свою одежду. Дорогой бежевый тренч, который утром казался верхом элегантности, теперь выглядел нелепо и жалко. Шелковый шарф сбилсся набок, волосы намokли и повисли сосульками вдоль бледного лица. Она выглядела случайно выжившей после кораблекрушения посреди этой антикварной свалки.

Не нужно мне ваше полотенце, отрезала она, стараясь вернуть себе привычный тон руководителя планерок. Отодвиньтесь, пожалуйста. Вы дышите мне в макушку.

Мужчина моргнул. Медленно, тяжело, словно просыпающаяся сова. Только сейчас Анна заметила сетку мелких морщинок вокруг его глаз и глубокий шрам, пересекающий левую бровь белый, старый, похожий на след от канцелярского ножа. Он сделал шаг в сторону, но не освободил проход полностью, а сдвинулся к соседнему стеллажу, заваленному стопками нотных партитур.

Дышу, согласился он равнодушно. Воздух общий. А вот гравюра Дюрера, которую вы едва не впечатали в стену своим пальто, стоит как ваша годовая зарплата. Даже если продать обе почки.

Анна замерла. Проследила за направлением его тяжелого взгляда. За ее спиной, прислоненная к обоям в мелкий цветочек, действительно стояла папка. Уголок черного сафьяна виднелся из-под плотной крафтовой бумаги.

Я ничего не трогала, автоматически солгала она. Привычка защищаться первой въелась в кровь вместе с корпоративным стилем общения.

Знаю. По вам видно. Вы ходите между стеллажами, как дефрагментатор диска. Слишком ровно. Очищаете кэш. Люди, которые любят книги, они... шатаются. Спотыкаются о собственные ноги. Зависают. Вы же ищете вектор эвакуации.

Его слова ударили под дых. Именно этим она и занималась последние три месяца выстраивала векторы эвакуации из собственной жизни. Из брака. Из пустых вечеров. Из издательства, которое превратилось в камеру пыток звуками капающего крана. Этот чужой, пыльный мужик с банкой клея увидел ее насквозь через слой дорогой шерсти и французского парфюма.

Это моя работа наводить порядок, процедила Анна, чувствуя, как предательски начинает гореть кожа на скулах. Кто вы вообще такой? Охрана?

Он усмехнулся одним уголком губ. Улыбка не сделала его лицо добрее, лишь добавила хищности.

Илья. Реставратор. Лечу тех, кого ваши верстальщики уже убили плохим клеем и дешевым картоном.

Он поднял руку. Анна ожидала увидеть грязь под ногтями, но ногти оказались коротко стриженными, чистыми, а костяшки пальцев покрывала сетка белых шрамов. Он взял с полки книгу огромный фолиант без обложки, представля-

ющий собой просто блок сшитых листов. Провел носом по срезу страниц, прикрыв глаза. Совершенно неприличный, интимный жест.

Мадагаскарская акация, произнес он удовлетворенно, открывая глаза. Проклеена рыбьим клеем в Венеции. Семнадцатый век. Блок живой, а переплет убит напрочь. Позолота сусальным золотом, которая сейчас облезет от влажности.

Он вдруг повернулся к Анне и сунул ей этот бесформенный кусок мертвого дерева и бумаги. Прямо в руки, заставив сделать шаг вперед, сокращая дистанцию до неприемлемой. Книга оказалась тяжелой, теплой, почти живой. От нее пахло именно той самой ванилью сладковатой, уютной, запахом старого деревянного дома натопленной зимой. Этот запах смешивался с запахом мужского пота, остывшего дождя и чего-то химического того самого клея из банки.

Пальцы Анны сомкнулись на шершавом обрезе сами собой. Она почувствовала пальцами каждую неровность, каждый бугорок истлевшего льняного шнурка, скрепляющего страницы. Подушечки защищало от невидимой бумажной пыли.

Сколько? хрипло спросила она. Вопрос вырвался сам, вопреки логике. Ей не нужна была эта книга. Ей нужен был

зонт и сухой офис.

Илья посмотрел на нее сверху вниз. В его глазах цвета болотной воды мелькнул интерес антрополога, нашедшего редкий экземпляр дикого племени.

Нисколько. Она мертва. Ее нельзя спасти, не распотрошив до основания. Это будет стоить дороже нового издания. Но если хотите посмотреть, как рождается чудо, можете остаться. Я собираюсь снимать кожу.

Он отвернулся к своему столу, давая понять, что аудиенция окончена. Поставил банку на заляпанную газету. Звякнуло стекло.

Анна осталась стоять с трупом старинной книги в руках. Стерильный мир за пределами этой лавки перестал существовать. Там шел дождь, там ждали недоделанные отчеты и курьер с бумагами о разводе. А здесь пахло пылью, ванилью и мужчиной, который разговаривал с деревом.

Ей отчаянно захотелось снять кожу со своего собственного прошлого. Распотрошить его до основания, какой бы болью это ни грозило.

У вас течет кран в подсобке, сказала она в широкую спину реставратора. Левый вентиль. Нужно заменить прокладку.

Илья замер с кистью в руке. Медленно обернулся. Впервые за все время в его каменном лице дрогнула какая-то эмоция легкое недоумение, сменившееся чем-то очень похожим на смех, который он, впрочем, тут же подавил.

Спасибо за диагностику, доктор Хаус. Оставьте верхнюю одежду на крючке. Полотенце висит на батарее. И постарайтесь не споткнуться. Тут хаос имеет свою геометрию.

Глава 3. Руки, знающие цену бумаге

Дверь в мастерскую была тяжелой, обитой для звукоизоляции старым войлоком. Илья толкнул ее плечом, и Анну окутало густым облаком тепла. Если наверху пахло дождем и книжной пылью, то здесь царил густой, животный дух ремесла: разогретый костный клей, льняное масло, дубовая стружка и кисловатый аромат выделанной кожи. Воздух был плотным, его хотелось резать ножом.

Не дышите ртом, бросил он через плечо, щелкая выключателем. Под потолком вспыхнули длинные лампы дневного света, но они не убили полумрак, а лишь подсветили миллионы танцующих в лучах пылинок. Пыль сядет на связки. Будете сипеть до завтра.

Мастерская оказалась длинной, как пенал. Вдоль правой стены тянулся верстак из массива дуба, исполосованный шрамами от резцов, прожженный паяльниками, покрытый узорами въевшихся чернил. Левую стену занимали стеллажи, где вместо книг лежали инструменты. И это зрелище ударило Анне по глазам сильнее, чем вид обнаженной книги.

Здесь не было стерильного порядка операционной. Это был организованный хаос нейрохирурга. Лежаки из толстой кожи, деревянные молоточки-киянки с мягкими торцами, костяные ножи-фальцбейны, чьи лезвия ловили свет и преломляли его опасным бликом. Латунные иглы разной тол-

щины стояли в старой жестяной кружке, напоминая арсенал портного-великана.

Анна сделала шаг внутрь, забыв про осторожность. Каблук ее замшевой туфли тонул в древесных опилках. Она остановилась у края верстака. Ее взгляд метался от одного предмета к другому, пытаясь классифицировать этот мир по привычной офисной шкале «полезно-бесполезно». Но логика буксовала. Зачем нужен этот странный изогнутый крючок? Для чего эта гладилка из черного дерева, похожая на орудие пыток?

Папье-маше для реставрации углов, Илья подошел бесшумно, несмотря на свои тяжелые ботинки. Он поставил свою банку с клеем на край стола. Кожа со временем сохнет по ребрам. Мы лепим новую кромку из тончайшего хлопка и мездры, чтобы блок не крошился. Вы когда-нибудь держали в руках книгу, которой четыреста лет, Анна?

Он впервые назвал ее по имени. Его голос в акустике мастерской звучал ниже, вибрировал где-то в районе солнечного сплетения. Она покачала головой. Самая старая книга, которую она редактировала прижизненный Чехов в издании Маркса, рассыпающийся от старости прямо в руках корректуры. Но тогда она надела нитриловые перчатки.

Илья словно прочитал ее мысли. Он усмехнулся той самой половиной рта и протянул ей ладонь. Перчатки оставьте для морга. Бумага любит живое тепло. Чувствует пульс. Боится мертвого пластика.

Его рука была огромной. Узловатые пальцы, широкая ладонь, испещренная линиями жизни глубже, чем русла рек на карте. На подушечках пальцев темнели застарелые мозоли печать постоянного контакта с грубой бумагой и натянутой кожей. Анна медленно, преодолевая иррациональный страх перед этим физическим контактом, вложила свою руку в его.

Кожа Ильи была сухой и горячей, шершавой, как поверхность лунного камня. Он обхватил ее кисть, поворачивая так, чтобы на нее падал свет лампы. Его большой палец лег на запястье Анны, чуть выше выпирающей косточки.

Смотрите, сказал он тихо, почти интимно. У вас руки редактора. Указательный палец длиннее безымянного. Характерная деформация тех, кто держит ручку или мышь по двенадцать часов в сутки. Сустав первой фаланги слегка увеличен. Профессиональная травма клавиши пробела и клика. Вы давите на бумагу, пытаетесь продавить ее своим контролем. До судороги в предплечье.

Анна затаила дыхание. Тепло его ладони проникало сквозь кожу, растапливая лед в венах, который она носила в себе с момента развода. Никто никогда не читал ее тело так внимательно. Марк видел только фасад: идеальную укладку, дорогие часы, статусную должность. Этот мужчина смотрел на архитектуру ее костей, на карту ее усталости.

А ваши? выдохнула она, кивая на его узловатые пальцы, все еще удерживающие ее руку. Что говорят мои руки о ваших?

Илья отпустил ее запястье, но их ладони остались соединенными. Он перевернул ее кисть тыльной стороной вверх. Провел кончиком большого пальца по линии судьбы. Прикосновение вызвало электрический разряд, простреливший от локтя до шеи. Искра узнавания. Родство двух людей, чьи руки являются главным рабочим инструментом.

Мои говорят, что я слишком сильно люблю свое дело, он коснулся своего шрама на брови тем же пальцем. Однажды французский переплет восемнадцатого века решил, что моя голова ему нравится больше, чем тесак, которым я снимал старую фольгу. Три шва. Книга выжила. Я тоже.

Он наконец разжал пальцы. Пространство между ними снова стало холодным. Илья отошел к дальнему краю верстака, накрытому куском плотной мешковины. Резким движением сдернул ткань.

Под ней лежал пациент. Огромный том ин-фолио. Деревянные доски обложки были обнажены коричневая кожа сползла лохмотьями, обнажив серое нутро картона и шляпки ржавых гвоздей. Блок выглядел гнилым, рыхлым. Книга казалась безнадежной калекой, инвалидом, которому место только в печи.

Голландский атлас тысяча шестьсот сорок второго года, Илья провел рукой над раскрытым разворотом, не касаясь хрупкой бумаги. Карты Новой Земли. Предыдущий владелец пытался спасти его скотчем. Скотчем, Анна. Прозрачным канцелярским скотчем поверх пергамента с ручной рас-

краской.

В его голосе прозвучала такая глубокая, физическая боль, какую Анна слышала у себя в голове каждый раз, когда видела пропущенную корректорами запятую или висячие строки. Боль эстета, чья картина мира нарушена чужим варварством.

Она подошла ближе. Оперлась бедром о край дубового стола, встав рядом с Ильей. Теперь их плечи почти соприкасались. Она чувствовала жар его тела через слои хлопка и брезента.

Можно? спросила она, глядя на желтоватую, истончившуюся страницу карты, где зеленое море переходило в охристую землю.

Только гравитация вашего дыхания может сдуть эту пыль, кивнул он. Дуйте снизу вверх. Медленно.

Анна наклонилась над столом. Сердце колотилось где-то в горле. Она сложила губы трубочкой, как учили в детстве, когда остужали чай, и осторожно дунула на край листа. Плотный слой вековой пыли поднялся серебристым облачком, завис в луче лампы и медленно осел на мешковину. Обнажились тонкие линии гравюры, изящный готический шрифт легенд.

Бумага ответила. Она приняла это легкое дуновение, едва заметно приподнявшись навстречу. Живой отклик мертвой материи.

Когда Анна выпрямилась, у нее немного кружилась голо-

ва. Запах ванили и клея ударил в нос, опьяняя. Она посмотрела на свои руки. Они дрожали. Мелко, почти незаметно, но Илья заметил. Его взгляд потяжелел.

Осторожнее, произнес он совсем другим голосом, низким и грудным. Старые книги вызывают привыкание быстрее опиума. Стоит один раз почувствовать, как умирающий блок вздыхает под твоими пальцами после правильного натяжения шнуров..., Обычные вещи перестают приносить радость.

Например? хрипло спросила Анна. Ей вдруг отчаянно захотелось узнать, какие обычные вещи перестали радовать его.

Тепло батарей центрального отопления, он пожал плечами, отводя глаза обратно к разорванному атласу. Или предсказуемость завтрашнего дня.

Он взял с верстака широкую костяную лопатку шпатель. Проверил остроту края ногтем. Солнечный блик мазнул по его сосредоточенному лицу.

Анна стояла посреди этой пахучей, теплой преисподней, смотрела на его руки, поднимающие инструмент, и понимала, что, если он сейчас прикоснется к этой мертвой книге своими живыми пальцами, она сделает шаг вперед и просто уткнется лицом в его пропахшую клеем куртку.

Искра, проскочившая между их ладонями минуту назад, разгоралась в тихое, ровное пламя лесного пожара, которое уже невозможно было залить никаким ноябрьским ливнем.

Глава 4. Паутина в углах

Мир Анны всегда держался на прямых углах и девяноста градусах. Корешки книг на полках строго параллельно краю стола. Курсор мыши идеально выровнен по сетке макета. Края кухонной столешницы стерильная линия горизонта. Развод не разрушил этот каркас, он просто выкачал из него воздух. Оболочка осталась: Анна продолжала просыпаться в семь утра, варить кофе во френч-прессе ровно три минуты и отвечать на письма до полуночи. Но внутри этой геометрии поселилась паутина.

Тонкие, липкие нити тянулись из углов сознания. Она замечала их, когда рука замирала над клавиатурой, забыв слово «параграф». Когда запах озона после грозы напоминал о том дне, когда Марк впервые принес ей мокрые пионы, потому что забыл про аллергию на лилии. Нити дрожали от сквозняков реальности, грозя оборваться и выпустить наружу то, что она так тщательно закатывала под слои рабочих таблиц Excel.

Звонок в дверь раздался в субботу, в шестнадцать часов сорок две минуты.

Анна замерла с тряпкой в руке. Она протирала подоконник в гостиной. Тот самый широкий подоконник из эркера, где они с Марком пили просекко по воскресеньям, глядя на огни Садового кольца. Теперь здесь стояла одинокая герань,

которую Илья вчера притащил из своей мастерской со словами «ей нужен хлорофилл, а тебе нужны живые легкие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.